

Девушка со светло-каштановыми длинными волосами с первого взгляда поняла, что матово мерцающий нефритовый амулет на поясе ребенка стоит баснословных денег. Однако ей и в голову не пришло воспользоваться случаем и выменять драгоценность на пару пирожных.

— Не нужно, — мягко отказалась она. — Эти пирожные — мой вам подарок.

Она окинула взглядом их изящные, расшитые золотом шелковые кимоно — дорогая ткань сразу выдавала благородное происхождение мальчиков, — и с улыбкой добавила:

— Эта вещь очень ценная, на неё можно купить целую гору таких сладостей. Не разбрасывайтесь подобными сокровищами, не то вас мигом обведут вокруг пальца.

Хара понял, что девушка говорит совершенно искренне. Он опустил руку, прикрепил подвеску обратно к поясу и принял от брата предложенное пирожное. Развернув бумажную обертку, он принялся за угощение.

Шесть Глаз требовали колоссального количества энергии, и после недавней перегрузки Харе действительно требовалось пополнить запасы сил.

— Эй, мелюзга! Сестра Тихару вас пирожными угощает, а вы даже спасибо сказать не можете?

Из-за спины девушки высунулась кудрявая макушка. Насупившись, взъерошенный мальчишка сердито уставился на близнецов.

Следом показался еще один подросток — черноволосый, с мягким блеском фиолетовых глаз. Он примиряюще положил руку на плечо кудрявого приятеля и с улыбкой проговорил:

— Ну же, Дзинпэй, не будь таким букой. Вдруг напугаешь столь очаровательных малышей?

Сатору, успевший умять свою порцию в мгновение ока, перевел взгляд на неожиданных гостей. В его лазурных глазах вспыхнуло искреннее любопытство:

— Если угощают пирожным, обязательно благодарить? А зачем?

Столкнувшись с подобным правилом приличия впервые в жизни, юный Сатору сейчас донельзя походил на озадаченного котенка.

Хара, тоже быстро расправившийся со своим кексом, слизал с губ каплю сладкого крема и, немного помедлив, пустился в рассуждения:

— Вероятно, это разновидность сделки? Когда покупаешь сладости в лавке, расплачиваешься

кругляшками, которые называют деньгами. Здесь же барышня угостила нас даром, а значит, вместо монет мы должны отдать ей это самое «спасибо»?

Дзинпэй, секунду назад упрекавший их в невоспитанности, ошеломленно округлил глаза:

— Вы чего, издеваетесь? Вас элементарным вещам не учили? Это же прописные истины!

Хара посмотрел на него со стоическим спокойствием:

— Значит, у нас с Сатору нет этих истин. Мы вообще впервые вышли за ворота поместья. Дома нас окружают исключительно старейшины. Они только и твердят, что мы обязаны прославить клан, взять на себя обязательства, стать сильнейшими и приносить пользу семье. Нам даже с собственными родителями видется запрещали, не говоря уже о том, чтобы нанять учителей для светских приличий. От нас требуют лишь беспрекословного послушания и сокрушительной силы.

Сатору тут же подхватил мысль брата:

— Вот именно! Тамошние стариканы — просто кучка гнилых мандаринов. Вот мы с братом и сбежали!

Его глаза восторженно заблестели, когда он уставился на витрину кондитерской:

— И как же хорошо, что сбежали! Иначе я бы в жизни не узнал, что на свете бывают такие умопомрачительные сладости!

Тихару переглянулась со своим младшим братом Кэндзи. Оба укрепились в своей догадке: перед ними определенно стояли малолетние беглецы из какого-то знатного рода.

Судя по всему, их семейка была из тех закоренелых, насквозь прогнивших аристократических кланов, что ревностно цепляются за пережитки прошлого. Одно то, что детей разлучили с родителями, заставляло содрогнуться от жестокости подобных устоев.

Изначально Тихару планировала лишь угостить малышей кексами, а затем сдать их в полицию. Но теперь её сердце дрогнуло. Вместо участка она увлекла за собой этих очаровательных белобрых и голубоглазых «котят» внутрь кондитерской, где скупилась чуть ли не половину витрины, заставив весь стол тарелками со всевозможными лакомствами.

Сатору, в мгновение ока превратившийся в довольного кота, уплетал сладости за обе щеки и вовсю ластился к спасительнице:

— Спасибо огромное, сестрица Тихару! Ты самая лучшая!

Хара к десертам относился равнодушно. Услышав, как Сатору панибратски назвал незнакомку «сестрицей», он ревниво покосился на девушку. Впрочем, воспитание взяло верх, и он вежливо применил свежееусвоенное правило:

— Благодарю вас, сестра Тихару, за проявленную щедрость.

Дзинпэй, равнодушно потягивавший свой напиток, наблюдал за тем, с какой трогательной заботой Хара ухаживает за братом: то ложечку поднесет, то стакан придержит, то бережно сотрет салфеткой крем с испачканной щеки. Настоящий образцовый старший брат. Не выдержав, он спросил:

— Эй, беглецы. И что вы намерены делать дальше? Собираетесь разыскать отца с матерью?

Мальчик помнил недавнее признание Хары о запрете на встречи с родителями и резонно рассудил, что побег затевался именно ради долгожданного воссоединения семьи.

Хара отложил испачканную салфетку. Лицо его вновь приняло отрешенное, не по-детски серьезное выражение:

— Нет. Наша мама умерла много лет назад. Старейшины тщательно скрывали это, но мы сумели разузнать правду. А отца клан сослал за границу. Старики ни за что не позволят ему вернуться — боятся, что родительские чувства помешают им лепить из нас послушных кукол. Наш побег — это лишь способ показать старейшинам, что мы больше не их безгласные игрушки. Мы немного погуляем и вернемся. Мы слишком малы и беспомощны в этом мире, чтобы сейчас оборвать связи с семьей окончательно.

Дзинпэй смутился и неловко заерзал на стуле:

— Прости... Я не должен был лезть с расспросами.

Пусть Хара говорил об этом ледяным тоном, а Сатору и вовсе увлеченно уплетал мусс, Дзинпэй корил себя за то, что наступил на большую мозоль. Ему было чертовски неловко.

Хара слегка склонил голову набок, с легким недоумением разглядывая собеседника. Мотивы этой внезапной неловкости ускользали от него, однако врожденная чуткость к чужим эмоциям подсказала: кудрявый мальчик искренне переживает за них.

— Всё в порядке, — ответил Хара и добавил с сомнением: — Ведь в таких случаях принято так отвечать?

Дзинпэй лишился дара речи. Чувство вины накрыло его с головой. Ему казалось, будто он бессовестно обидел наивных, оторванных от реальности детей.

Кэндзи дружелюбно улыбнулся близнецам и предложил:

— Раз уж вы сбежали и идти вам все равно некуда, может, заглянете к нам в гости? Погостите немного, а вернетесь попозже. Пусть эти напыщенные старики побегают да подергаются от страха.

Будь это заурядный детский каприз, Кэндзи ни за что не позволил бы двум шестилетним крохам шататься по улицам и поспешил бы передать их взрослым. Но рассказ Хары рисовал в воображении жуткие картины. Семейный уклад их клана казался Кэндзи пережитком мрачного средневековья. Разлучить детей с родителями, лишить встреч, утаить смерть матери и, возможно, даже стереть саму память о близких... Из них явно пытались вылепить бездушных марионеток. Кэндзи невольно испугался, что по возвращении мальчикам окончательно промоют мозги, превратив их в преданных слуг, не знающих жалости — точь-в-точь как послушных исполнителей из исторических драм.

Увы, будучи обычными подростками, они мало чем могли помочь. Единственное, что было в их силах — скрасить этот спонтанный бунт и уберечь близнецов от невзгод незнакомого внешнего мира.

Тихару мягко кивнула, полностью одобряя идею брата.

Хара и Сатору переглянулись. В синеве их глаз на мгновение промелькнуло лукавое торжество: всё шло строго по плану.

<http://bllate.org/book/19549/1956493>